

Кризис мировой торговой системы

Постсоветское пространство как полюс притяжения

Андрей НАРЫШКИН

Глобальная система торговли, сформированная после Второй мировой войны, переживает сегодня наиболее серьёзный кризис за все десятилетия своего существования. Такой постулат поддерживается как в отечественных¹, так и в зарубежных научных работах².

Многосторонние институты, прежде всего Всемирная торговая организация (ВТО), утрачивают способность эффективно регулировать мировую торговлю на фоне нарастания торговых конфликтов и односторонних барьеров³. Некогда казавшиеся незыблемыми принципы свободной торговли и недискриминации нарушаются под влиянием новой волны экономического национализма и геополитического соперничества. Кризис мировой торговой системы проявляется во многих формах:

- стагнация многосторонних переговоров;
- паралич механизма разрешения споров ВТО;
- лавинообразный рост протекционистских мер;
- масштабное применение санкций в обход глобальных правил;
- тенденция к фрагментации мировой экономики на региональные блоки.

НАРЫШКИН Андрей Александрович – доктор политических наук, доцент кафедры дипломатии МГИМО МИД России. *E-mail:* andr-naryshkin@yandex.ru

Ключевые слова: мировая торговая система, ВТО, протекционизм, санкции, фрагментация, ЕАЭС, постсоветское пространство.

¹ Загашвили В.С. Застой в ВТО как проявление кризиса глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 6. С. 5-12.

² Low P. The WTO in Crisis: Closing the Gap between Conversation and Action or Shutting Down the Conversation? // World Trade Review. 2022. Vol. 21. № 3. P. 274-290.

³ Прохорова А.А. К вопросу о классификации многосторонних международных объединений // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2016. № 1. С. 21-37.

Постсоветское пространство переживает качественно новый этап экономической интеграции. На фоне ослабления глобальных институтов усиливаются процессы регионального взаимодействия, наиболее заметным из которых стало становление Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Формирование ЕАЭС и сопряжение его развития с инициативами партнёров (например, с китайской концепцией «Один пояс – один путь») свидетельствуют о том, что Евразия может выступать самостоятельным полюсом экономического притяжения в условиях трансформации мировой торговой системы. Санкционное противостояние между Россией и западными странами после 2014 г., и особенно после 2022 г., придало дополнительный импульс интеграции на постсоветском пространстве, заставляя страны региона искать новые модели сотрудничества и взаимной поддержки.

В этих условиях актуально исследовать, как кризис глобальной торговой системы сочетается с возникновением альтернативных центров интеграции.

Кризис мировой торговой системы: причины и проявления

Центральным элементом кризиса стала дисфункция Всемирной торговой организации. ВТО, созданная в 1995 г. как продолжение Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ), долгое время считалась основой многостороннего торгового режима. Соединённые Штаты с 2017 г. блокировали назначение новых членов Апелляционного органа ВТО, выражая недовольство его практикой и возможным ущемлением суверенитета США⁴. В декабре 2019 г. число апелляционных судей сократилось ниже кворума и Апелляционный орган прекратил работу, что означало остановку полной системы обжалования решений по спорам⁵.

Последствия этого трудно переоценить. Апелляционный орган – «венец многосторонней торговой системы», гарантирующий исполнение правил⁶. После его отключения большинство проигравших сторон начали злоупотреблять ситуацией, подавая апелляции «в пустоту», т. е. оспаривая вердикты групп экспертов, зная, что апелляция не будет рассмотрена.

В результате более половины всех споров ВТО с 2020 г. завершаются безрезультатно – решения не приобретают юридической силы. Число новых исков в ВТО резко упало примерно до трети от уровня, бывшего до кризиса⁷. Если до 2019 г. в ВТО инициировалось в среднем около 19 спо-

⁴ The World Trade Organization: The Appellate Body Crisis // CSIS // URL: <https://www.csis.org/programs/economics-program-and-scholl-chair-international-business/world-trade-organization#:~:text=demands%20and%20pave%20the%20way,in%20enforcing%20multilateral%20trade%20rules>

⁵ Ibid.

⁶ Hopewell K. Unravelling of the trade legal order: enforcement, defection and the crisis of the WTO dispute settlement system // International Affairs. 2025. Vol. 101. № 2. P. 341.

⁷ Ibid. P. 342.

ров ежегодно, то после 2019 г. – лишь около семи в год.

Таким образом, страны де-факто утрачивают веру в способность ВТО защищать их торговые права, и правовой порядок, ранее подкреплявший мировую торговлю, начинает рушиться. Эта блокада судебного механизма подрывает доверие к ВТО и оставляет государства один на один с торговыми конфликтами. Попытки частично восстановить систему, например, через промежуточное арбитражное соглашение ЕС и ряда стран (*Multilateral Partial Scope Agreement, MPIA*), пока охватывают лишь ограниченный круг участников и не решают проблему глобально⁸. *MPIA* был создан в 2020 г. как ответ на паралич Апелляционного органа ВТО (*Appellate Body*) и представляет собой временный механизм разрешения споров между странами – членами Всемирной торговой организации. *MPIA* позволяет участникам, подписавшим соглашение (например, ЕС, Канада, Китай, Бразилия и др.), продолжать пользоваться двухуровневым механизмом разрешения торговых споров в обход заблокированной структуры ВТО.

Помимо судебного кризиса ВТО уже много лет сталкивается с кризисом переговорного трека. Дохийский раунд многосторонних торговых переговоров, начатый в 2001 г. с целью

либерализовать торговлю в интересах развития, фактически зашёл в тупик. Консенсус 164 членов по сложным вопросам (сельское хозяйство, доступ на рынки, субсидии и пр.) оказался недостижим. Неуспех многосторонних переговоров побудил страны переключиться на региональные и двусторонние соглашения, что ослабило центральную роль ВТО в выработке правил торговли⁹. К системным проблемам ВТО добавляются новые вызовы: торговля услугами, цифровая торговля, регулирование субсидий, климатическая повестка, по которым в рамках организации отсутствуют обновлённые договорённости¹⁰. Всё это подрывает актуальность и эффективность ВТО как института глобального регулирования.

После глобального финансового кризиса 2008 г. многие страны стали чаще прибегать к протекционистским мерам для защиты внутренних рынков. Несмотря на обязательства не вводить новых барьеров, с 2008 г. в мире введены тысячи новых торговых ограничений.

По оценкам экспертов, с 2008 по 2018 г. было принято более 7 тыс. протекционистских мер – от импортных пошлин и квот до нетарифных барьеров¹¹.

Новая волна протекционизма особенно усилилась после 2016 г.,

⁸ Hopewell K. Unravelling of the trade legal order: enforcement, defection and the crisis of the WTO dispute settlement system // International Affairs. 2025. Vol. 101. № 2. P. 342.

⁹ Ruta M. The rise of discriminatory regionalism. 2023 // IMF // URL: <https://www.imf.org/en/Publications/fandd/issues/2023/06/the-rise-of-discriminatory-regionalism-michele-ruta>

¹⁰ Low P. The WTO in Crisis: Closing the Gap between Conversation and Action or Shutting Down the Conversation?

¹¹ Manning R. Trade and Financial Fragmentation: New Challenges to Global Stability // Atlantic Council // URL: <https://www.atlanticcouncil.org/wp-content/uploads/2020/07/trade-financial-fragmentation-072120.pdf#:~:text=measures%20worldwide%E2%80%9494more%20than%20seven%20thousand,body%20of%20evidence%20suggests%20countertrends%E2%80%9494more>

когда США перешли к более агрессивной торговой политике. Администрация Д. Трампа в 2018–2019 гг. в одностороннем порядке повысила тарифы на широкий спектр товаров (сталь, алюминий и др.), мотивируя это соображениями национальной безопасности и дисбалансами торговли. Развернулась торговая война США и Китая: взаимные повышенные пошлины затронули сотни миллиардов долларов двусторонней торговли. Эти действия противоречат духу ВТО и подрывают доверие к многосторонним правилам. В ответ на пошлины США Китай также ввёл ответные тарифы, а ряд других стран (ЕС, Канада, Индия) предприняли ответные меры. Таким образом, принцип свободной торговли был серьёзно поколеблен крупнейшими экономиками мира.

Рост протекционизма наблюдается не только в отношениях США – Китай. Во многих странах усилились тенденции экономического национализма: поддержка местных производителей, ограничение импорта, требования локализации производства.

Например, в сфере цифровой экономики государственные ограничения (локализация данных, требования к иностранным ИТ-компаниям) ведут к «балканизации» глобального цифрового рынка.

Даже до пандемии COVID-19 ряд развивающихся стран внедрял барьеры в электронной торговле и инвестициях¹². Эти меры, хотя и не являются традиционными тарифами, тоже ограничивают свободные потоки торговли и услуг.

Существенным фактором кризиса мировой торговли стало широкомасштабное применение экономических санкций. Санкции формально нахо-

дятся вне рамок ВТО (ст. XXI ГАТТ позволяет вводить ограничения по соображениям национальной безопасности), однако фактически они фрагментируют мировую экономику не менее, чем тарифы.

Начиная с 2014 г. против России и Белоруссии были введены пакеты санкций США, ЕС и ряда стран коллективного Запада, затрагивающие торговлю товарами (эмбарго на ряд товаров, ограничения на экспорт технологий), услуги, инвестиции и финансовые расчёты. Россия ответила контрсанкциями. Эти меры разорвали сложившиеся торговые цепочки между Россией и Западом, заставив переориентировать потоки на другие рынки.

Санкции как инструмент всё чаще применяются и в других случаях:

- торгово-технологическое противостояние США и Китая включает санкции против китайских телеком- и ИТ-компаний;

- санкционные режимы действуют против Ирана, Северной Кореи, Венесуэлы, Сирии и ряда других стран.

Политизация торговли через санкции ведёт к расслоению глобального рынка на сегменты, где действуют различные правила.

Например, высокотехнологичные товары китайского производства вытесняются с американского рынка не только тарифами, но и запретами (санкции против *Huawei* и др.), в то время как Китай вводит собственные ограничения (например, экспортные лицензии на редкоземельные металлы).

Санкционные и режимные барьеры трудно оспорить юридически – таким образом, они создают параллельную реальность вне норм

¹² Manning R. Trade and Financial Fragmentation: New Challenges to Global Stability.

ВТО. Фактически санкции стали формой экономической войны, дополняющей традиционные торговые конфликты.

Следствием санкций является ускорение регионализации: страны, подвергшиеся ограничениям, стремятся торговать с нейтральными партнёрами, минуя контролируемые Западом финансово-логистические системы.

Так, с 2014 г. ЕАЭС поступательно наращивал торговлю с Китаем, Турцией, Индией и другими незападными экономиками.

Индия, например, в 2022 г. резко нарастила закупки российской нефти со скидкой, заполнив нишу, образовавшуюся после ухода европейских покупателей.

Хотя с точки зрения санкционирующих стран такие действия подбивают их усилия, с позиции глобальной торговли – это проявление перераспределения потоков в обход традиционных каналов. Всё это усложняет и без того кризисную картину мировой торговли.

Общим знаменателем вышеописанных тенденций является нарастающая фрагментация глобальной торговой системы. Под фрагментацией понимается распад единого многостороннего режима на совокупность отдельных блоков, правил и зон, ориентированных преимущественно на региональные или политико-идеологические союзы. Если в 1990-е – начале 2000-х годов господствовала парадигма глобализации (рост взаимозависимости и универ-

сальных правил), то к 2020-м годам наблюдается переход к многополярной регионализации.

Во-первых, как отмечалось, произошёл бум региональных торговых соглашений (РТА). Ещё в начале 90-х годов насчитывалось около 50 преференциальных соглашений о свободной торговле, то к 2020 г. их число превысило 300¹³. Практически все члены ВТО состоят в том или ином региональном соглашении, а многие – одновременно в десятке.

Примеры новых крупных блоков – Всеобъемлющее и прогрессивное Транстихоокеанское партнёрство (СРТПП) без участия США, Региональное всеобъемлющее экономическое партнёрство (RCEP) в Восточной Азии под эгидой Китая, Африканская континентальная зона свободной торговли (AfCFTA) и др.

Эти соглашения формируют параллельную систему правил, часто более продвинутых в ряде областей, но ограниченных по участию. С одной стороны, регионализация могла бы дополнять многостороннюю систему, но в условиях стагнации ВТО она становится заменителем глобальных правил. Возникает риск формирования конкурентных торговых блоков, между которыми торговля регулируется уже не универсальными нормами, а условиями каждого отдельного соглашения. Ещё в 90-е годы эксперты предупреждали о возможности раскола мировой экономики на торговые блоки, противопоставленные принципам ГАТТ¹⁴. Ны-

¹³ Mattoo A., Rocha N., Ruta M. The Evolution of Deep Trade Agreements // World Bank // URL: <https://pubdocs.worldbank.org/en/612591607633317234/Overview-The-Evolution-of-Deep-Trade-Agreements.pdf#:~:text=,While%20WTO>

¹⁴ Bhagwati J. The World Trading System at Risk. Princeton: Princeton University Press, 1991. – 168 p.

нешняя ситуация приближает эти опасения к реальности.

Во-вторых, усилилась геоэкономическая составляющая в торговых отношениях. Политически близкие страны стремятся углубить взаимную торговлю, отгораживаясь от конкурентов. Появилось понятие *friendshoring* – переориентация цепочек поставок на страны-союзники.

Например, США и ЕС в 2022 г. заключили соглашение об ограничении импорта стали и алюминия из стран с нерыночной экономикой (имеется в виду Китай), одновременно обсуждая трансатлантическое сотрудничество в чувствительных секторах (полупроводники, батареи). Западные страны формируют коалиции для контроля над экспортом передовых технологий (например, коалиция по полупроводникам, включающая США, Нидерланды, Японию, направленная на ограничение доступа Китая к чипам). В ответ Китай пытается укрепить связи в рамках различных проектов в БРИКС¹⁵, ШОС и через двусторонние сделки.

Таким образом, торговля всё более зависит от политических союзов и противостояний, что ведёт к дроблению единого пространства мировой экономики на блоки по интересам.

В-третьих, пандемия COVID-19 в 2020–2021 гг. обнажила уязвимость глобальных цепочек поставок и стимулировала тренды на локализацию и диверсификацию. В разгар пандемии многие государства вводили ограничения на экспорт медицинских товаров и вакцин, ставя национальные приоритеты выше глобальных. После пандемии часть компаний и правительств взяли курс на сокращение внешней зависимости. Это тоже способствует снижению доли международной торговли в мировой экономике.

Таким образом, кризис мировой торговой системы носит комплексный характер: он проявляется институционально (кризис ВТО), политически (торговые войны, санкции) и структурно (фрагментация на блоки).

В этих условиях закономерно возрастает интерес к формированию новых центров влияния, которые могли бы предложить альтернативные механизмы сотрудничества и защиты интересов. Один из таких центров – постсоветское пространство, поступательно укрепляющее роль самостоятельного полюса в мировой торговле в рамках более широкого тренда на многополярность.

Постсоветское пространство как альтернативный полюс притяжения

На фоне кризиса глобальных институтов торговли государства постсоветского пространства активизировали усилия по региональной экономической интеграции.

Ещё в 2000-е годы Россия, Казахстан, Белоруссия и другие страны начали формировать Таможенный союз и Единое экономическое пространство, что привело к созданию

¹⁵ Нарышкин А.А., Нарышкина А.А. Цифровизация здравоохранения в странах БРИКС+ // Современная Европа. 2025. № 1(129). С. 136-149.

в 2015 г. ЕАЭС, к которому присоединились Киргизия и Армения. ЕАЭС стал самым продвинутым интеграционным объединением на постсоветском пространстве: введён режим свободной торговли и Таможенного союза (нулевые внутренние пошлины, единый таможенный тариф), обеспечено свободное перемещение рабочей силы и капитала, координируется макроэкономическая и регуляторная политика. Для управления интеграцией создан наднациональный орган – Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК), которой делегированы определённые полномочия.

Евразийская интеграция изначально развивалась как экономический проект, призванный повысить конкурентоспособность участников за счёт масштабного рынка и согласованной политики. Однако геополитический контекст придавал ей и стратегическое измерение. После охлаждения отношений с Западом в 2014 г. Россия усилила ставку на ЕАЭС как на приоритетное направление внешней экономической политики. Санкции со стороны ЕС и США против России и ответное продовольственное эмбарго сделали партнёров по ЕАЭС критически важными для переориентации торговли.

Например, Белоруссия и Казахстан заменили ряд товаров, импорт которых в Россию из ЕС был запрещён (молочная и мясная продукция, фрукты и т. п.). Западные санкции во многом нацелены на

подрыв евразийской интеграции, например, путём угроз применения санкций в отношении компаний из стран – членов ЕАЭС. Это подтверждает, что постсоветская интеграция обладает определённой устойчивостью под внешним давлением.

Являясь альтернативным полюсом притяжения инвестиций и торговых связей, ЕАЭС заключил торгово-экономические соглашения с внешними партнёрами: действует соглашение о зоне свободной торговли с Вьетнамом (2016 г.), Сингапуром (2019 г.), Сербией (2019 г.), Ираном (2018 и расширенное – 2025 г.). Ведутся переговоры о преференциальных соглашениях с Египтом, Израилем, Индией, Индонезией, ОАЭ, обсуждаются форматы сотрудничества с другими странами Азии, Латинской Америки и Африки. Кроме того, в 2015 г. провозглашено сопряжение ЕАЭС с китайской инициативой «Один пояс – один путь», что стало частью концепции Большого Евразийского партнёрства.

Идея Большого Евразийского партнёрства, выдвинутая президентом России В.В. Путиным в 2015 г.¹⁶, подразумевает формирование широкого интеграционного контура от Восточной Азии до Европы, объединяющего ЕАЭС, ШОС, АСЕАН и Китай в единую сеть экономического сотрудничества. Эта концепция пока носит рамочный характер, но указывает на стремление расширить интеграционные масштабы евразийского взаимодействия.

¹⁶ О российской инициативе Большого Евразийского партнёрства // МИД России // URL: https://www.mid.ru/ru/activity/COORDINATING_and_ADVISORY_BODY/head_of_subjects_council/materialy-o-vypolnenii-rekomendacij-zasedanij-sgs/xxxvi-zasedanie-sgs/1767070/

Внутренняя торговля ЕАЭС демонстрирует положительную динамику: объём взаимной торговли между странами союза в 2021 г. вырос на 32,8% после спада в 2020 г.¹⁷, а по итогам 2022 г. вырос в физических объёмах, отражая переориентацию торговых потоков.

Доля внутренней торговли в совокупном экспорте стран ЕАЭС удвоилась с начала 2000-х годов.

Россия остаётся ядром: на неё приходится около 80% ВВП ЕАЭС и основная часть промышленного потенциала, но для соседей важны преференциальные условия доступа на российский рынок и совместные проекты в сферах энергетики, строительства инфраструктуры, промышленной кооперации.

Постсоветское пространство также становится логистическим и энергетическим мостом между Европой и Азией. Санкционные барьеры на западных направлениях стимулировали развитие альтернативных маршрутов. Эти коридоры получают инвестиции и внимание, повышая стратегическое значение региона. В будущем это может усилить позицию постсоветских стран как транзитных хабов, контролирующих важные торговые пути.

Таким образом, постсоветское пространство, воплощённое прежде всего в формате ЕАЭС, выступает новым полюсом притяжения в мировой торговле, особенно для государств, заинтересованных в многоформатных связях вне жёсткой структуры глобальной системы. Если западный мир спланируется вокруг пересмотра глобализации на своих условиях, то евразийский блок предлагает иную модель – более открытую к Востоку и

Югу, гибридную между рынком и государственным регулированием, опирающуюся на суверенное равенство участников (в ЕАЭС решения принимаются консенсусом пяти стран). В условиях фрагментации такая региональная платформа позволяет её участникам коллективно защищать свои интересы и экономическую безопасность.

Например, совместная продовольственная безопасность, согласование энергетической политики, переход на расчёты в национальных валютах внутри блока – всё это снижает уязвимость перед внешними шоками.

Конечно, потенциал ЕАЭС несопоставим с ЕС или АТЭС по масштабу, однако в своём геоэкономическом сегменте постсоветский интеграционный проект стал фактором, который внешние игроки не могут игнорировать.

Китай заключил с ЕАЭС соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве (2018 г.), по сути, признавая союз официальным партнёром. В период, предшествовавший санкционному противостоянию, разрабатывалась перспектива создания общего пространства торговли ЕС – ЕАЭС (концепция «от Лиссабона до Владивостока»). Тем не менее в долгосрочной перспективе Евразийский союз может стать ядром более широкого интеграционного контура, особенно в случае, если глобальная торговая система окончательно разобьётся на региональные блоки.

Можно сделать вывод, что постсоветское пространство своей интеграцией частично компенси-

¹⁷ Доклад «О состоянии взаимной торговли между государствами-членами Евразийского экономического союза в 2021 году // ЕАЭС // URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/tradestat/tradereport/Report_2021.pdf

рует недостатки глобальной системы для входящих в него стран. Оно предоставляет им альтернативные рынки, возможность совместно противостоять внешнему давлению и экспериментировать с экономической политикой (цифровые транспортные коридоры, единые стандарты, координация промполитики). В период кризиса мировой

торговли такая прагматичная регионализация выступает одним из немногих драйверов торгового роста в противовес общемировой стагнации. Неслучайно Евразийский союз всё чаще упоминается как один из центров формирования новой архитектуры мировой торговли, основанной на принципах многополярности и разнообразия моделей развития.

Кризис мировой торговой системы свидетельствует о глубинных сдвигах в балансе сил и принципах взаимодействия государств на глобальных рынках. Многосторонняя модель, воплощённая в ВТО, столкнулась с серьёзнейшим вызовом: крупнейшие державы перестали считать её выгодной для себя и фактически выводят торговые споры в плоскость односторонних решений. Рост протекционизма, торговых войн и санкций подорвал доверие к универсальным правилам, а паралич ключевых механизмов ВТО подтвердил несостоятельность существующей архитектуры без поддержки ведущих игроков. Мировая торговля вступила в период неопределённости. Страны вынуждены искать новые решения, поскольку старая система больше не гарантирует стабильность и процветание.

Одним из таких решений стал поворот к регионализму и формированию альтернативных центров интеграции.

Постсоветское пространство в лице Евразийского экономического союза показывает пример того, как группа стран с общей историей и взаимодополняющими экономиками эффективно выстраивает внутренний рынок и правила игры. ЕАЭС показал способность к развитию и адаптации в непростых условиях:

- приняты ключевые нормативы;
- функционирует институт наднационального регулирования;
- ведётся работа по устранению барьеров и созданию общих рынков в отдельных отраслях (нефть и газ, электроэнергетика).

Евразийская интеграция не заменяет глобальную систему, а компенсирует её недостатки на региональном уровне, позволяя участникам эффективнее отвечать на внешние шоки, будь то пандемия, санкции или волатильность цен. Постсоветский регион, будучи географически расположенным между Европой и Азией, также играет роль мостика и фильтра: он может перенаправлять торговые потоки, выступать транзитным коридором, предлагать площадку для диалога между крупными соседними блоками.

Можно констатировать, что постсоветское пространство стало одним из полюсов формирующейся многополярной торговой системы. Наряду с другими региональными объединениями ЕАЭС и близкие к нему форматы (СНГ, ШОС) входят в мозаику новых центров силы, вокруг которых группируются экономические связи. Это не означает изоляции Евразии – напротив, для

успеха интеграции необходимо сотрудничество с внешними партнёрами. Но такое сотрудничество будет строиться уже не через универсальные институты вроде ВТО, а через гибкие многосторонние договорённости между блоками и странами.

Например, вероятной моделью будущего может стать сетевое взаимодействие региональных соглашений: ЕАЭС – Китай, ЕАЭС – АСЕАН, ЕАЭС – Ближний Восток и т. п., которые вместе восполняют пробелы глобального регулирования.

Подобные сети могут со временем эволюционировать в новую архитектуру, более децентрализованную, чем старая ВТО, но всё же обеспечивающую предсказуемость торговли на основе взаимовыгодных правил.

Для самих стран постсоветского пространства современный кризис – это не только вызов, но и возможность. Кризис глобализации стимулирует углубление интеграции, поиск внутренних резервов роста, развитие связей с незападными экономиками.

Библиография • References

- Доклад «О состоянии взаимной торговли между государствами-членами Евразийского экономического союза в 2021 году // ЕАЭС // URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/tradestat/tradereport/Report_2021.pdf
- [Doklad «O sostoyanii vzaimnoj trgovli mezhdu gosudarstvami-chlenami Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza v 2021 godu // EAES // URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/tradestat/tradereport/Report_2021.pdf]
- Загашвили В.С.* Застой в ВТО как проявление кризиса глобализации // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 6. С. 5-12.
- [*Zagashvili V.S.* Zastoj v VTO kak proyavlenie krizisa globalizacii // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2019. T. 63. № 6. S. 5-12]
- Нарышкин А.А., Нарышкина А.А.* Цифровизация здравоохранения в странах БРИКС+ // *Современная Европа*. 2025. № 1(129). С. 136-149.
- [*Naryshkin A.A., Naryshkina A.A.* Cifrovizaciya zdravooohraneniya v stranah BRIKS+ // *Sovremennaya Evropa*. 2025. № 1(129). S. 136-149]
- О российской инициативе Большого Евразийского партнёрства // МИД России // URL: https://www.mid.ru/ru/activity/COORDINATING_AND_ADVISORY_BODY/head_of_subjects_council/materialy-o-vypolnenii-rekomendacij-zasedanij-sgs/xxxvi-zasedanie-sgs/1767070/
- [O rossijskoj iniciative Bol'shogo Evrazijskogo partnyorstva // MID Rossii // URL: https://www.mid.ru/ru/activity/COORDINATING_AND_ADVISORY_BODY/head_of_subjects_council/materialy-o-vypolnenii-rekomendacij-zasedanij-sgs/xxxvi-zasedanie-sgs/1767070/]
- Прохорова А.А.* К вопросу о классификации многосторонних международных объединений // *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*. 2016. № 1. С. 21-37.
- [*Prohorova A.A.* K voprosu o klassifikacii mnogostoronnih mezhdunarodnyh ob"edinenij // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki*. 2016. № 1. S. 21-37]

- Bhagwati J.* The World Trading System at Risk. Princeton: Princeton University Press, 1991. – 168 p.
- Hopewell K.* Unravelling of the trade legal order: enforcement, defection and the crisis of the WTO dispute settlement system // International Affairs. 2025. Vol. 101. № 2. P. 341-362.
- Low P. The WTO in Crisis: Closing the Gap between Conversation and Action or Shutting Down the Conversation?
- Low P. The WTO in Crisis: Closing the Gap between Conversation and Action or Shutting Down the Conversation? // World Trade Review. 2022. Vol. 21. № 3. P. 274-290.
- Manning R.* Trade and Financial Fragmentation: New Challenges to Global Stability // Atlantic Council // URL: <https://www.atlanticcouncil.org/wp-content/uploads/2020/07/trade-financial-fragmentation-072120.pdf#:~:text=measures%20worldwide%E2%80%94more%20than%20seven%20thousand,body%20of%20evidence%20suggests%20countertrends%E2%80%94more>
- Mattoo A., Rocha N., Ruta M.* The Evolution of Deep Trade Agreements // World Bank // URL: <https://pubdocs.worldbank.org/en/612591607633317234/Overview-The-Evolution-of-Deep-Trade-Agreements.pdf#:~:text=,While%20WTO>
- Ruta M.* The rise of discriminatory regionalism. 2023 // IMF // URL: <https://www.imf.org/en/Publications/fandd/issues/2023/06/the-rise-of-discriminatory-regionalism-michele-ruta>
- The World Trade Organization: The Appellate Body Crisis // CSIS // URL: <https://www.csis.org/programs/economics-program-and-scholl-chair-international-business/world-trade-organization#:~:text=demands%20and%20pave%20the%20way,in%20enforcing%20multilateral%20trade%20rules>

Статья поступила в редакцию 20 мая 2025 г.

Статья принята в печать 29 мая 2025 г.

Уважаемые читатели!
Продолжается подписка на 2025 год
на ежемесячный научно-аналитический журнал

«Обозреватель—Observer»

Подписка проводится:

- для корпоративных подписчиков «УП Урал-Пресс» по электронному каталогу на сайте **www.ural-press.ru**
- для индивидуальных подписчиков Агенством подписки «Деловая пресса» по электронному каталогу на сайте **<https://delpress.ru/catalog/>**
тел.: +7-495-951-22-25